

НАЧАЛО ЗИМЫ

Мы дожили, Богом хранимы,
до этой блаженной зимы.
Туманы. Белёдые дымы.
И вечно туманные мы...

Ветра на своих окаринах
колдуют... Замёрзла река.
На низких, бескрайних равнинах
холмы, луговины, снега.

Как очи спокойные мамы,
вновь светится чуткая даль.
Поля, перелески, туманы,
небес светло-серая сталь...

К ветвям притороченный иней
шатёр простирает резной
над этой сторонкой лосиной,
кабаньей и лисьей страной.

И, вновь обратившись к деталям —
полям, оврагам, стогам, —

в любви объясняемся далям.
Они объясняются нам.

А лжи и отчаянья довод
ветшает, уходит на слом...
И всё, что ты помнил дурного,
внезапно помянешь добром.

СЕВЕРНЫЕ ЛЮДИ

Здесь в суждениях кратки и строги.
Ну, а души у этих людей —
продолжение лесов и дороги,
продолжение небес и полей.

И такую в них чую глубинность,
что хотел бы постичь, да не смог
голубую очей голубиность
и причудливый их говорок.

Вдоль обочин цветут незабудки,
нежно птица свистит на лету...
Я люблю их незлобные шутки
и неброскую их доброту.

Целомудрие жизни безвестной.
Иногда лишь взлетает, резка,
страшноватая, дикая песня,
где мятежность, и боль, и тоска.

ПРОГУЛКА ВЕТРЕННОЙ ЗИМНЕЙ НОЧЬЮ

Ветер, ветер на русской равнине
разгоняет и крутит снега.
В светло-серой, холодной пустыне
чёрно-серые мчат облака.

Свет таинственный цедится, брезжит,
этот сумрачный, вкрадчивый свет.
Ветра вой, и стенанье, и скрежет —
мироздания горячечный бред.

В склепе сердца рождается иней
и озноб сотрясает, креня...
И бескрайняя эта пустыня
до краёв заполняет меня.

И в ночи, в том хаосе свирепом
крепнет связь между миром и мной.
Я срастаюсь с землёю и небом,
со снегами, ветрами и тьмой.

ВОЗРАСТ

Так вот в чём причина
тоски непреклонной:
чем ближе кончина,
тем небо бездонней.

И поле прелестней,
и лес — всё роскошней...
Слеза — неуместней,
любовь — невозможней.

Как облачко взбито
Ангелоподобно...
Я помню обиды
не очень подробно...

И свет — всё прекрасней,
и тьма — всё кромешней...
А боль — ежечасней,
тоска — безутешней...

* * *

Сколько солнца, неба, моря,
леса и полей!..
Сколько подлости и горя
на земле моей!..

Только я — удел мой жалкий —
правду умолчал,
И в словесной перепалке
землю защищал.

И с врагом в неравном споре
я не честным был...
Я и в подлости, и в горе
Родину любил.

* * *

Дошкандыбал, добрёл, не сломался...
Всё же хватило упорства и сил.
Но сломал всё, к чему прикасался,
Всё, что выиграть мог, — просадил.

Утешаю себя: — Ведь не вечер!!
— Вечер! Вечер!! — Давно уже ночь...
Я за всё, что случилось, отвечаю...
И никто не сумеет помочь.

Потерявший и близких, и милых,
ни на что не желаю пенять...
Но себя поменять я не в силах...
И страну не сумел променять...

Что юлить? Ложь — дурная примета...
Нелюбовь на себя навлеку.
Я готов защитить всю планету...
Но себя от себя — не могу.

Так и Родина — страшная сила!
Пала в грязь — никудышны дела:
От фашиста весь мир защитила,
Но себя от себя — не смогла...

Пень подгнивший — опят полведра,
мягкий мшаник с брусникою блёсткой.
У берёз отслоилась кора
в высоту человеческого роста.
Скрёб кору здесь, наверно, олень,
пень точили древесные черви
сотню лет и сегодняшней день,
чтоб мои успокоились нервы.
Я щавель после зайца доел,
я рябину поднял после птицы
и счастливую песню запел,
и в ручье подпевала водица.
А шмелей — хоботок к хоботку —
тяжко выдержать тонкому стеблю.
Как шмели припадают к цветку,
припадаю к поляне и небу.
Руки вскинул — всё это люблю!
Вкруг меня — лишь любимые лица...
Не могу насладиться — пою!..
Всё равно не могу насладиться.